

САВИНКОВ БОРИС ВИКТОРОВИЧ, ОН ЖЕ В. РОПШИН

Беглые заметки вместо академического предисловия

OCR Nina & Leon Dotan (09.2002) ldnleon@yandex.ru

ldn-knigi.narod.ru ldn-knigi.russiantext.com

Предисловие к книге: В. Ропшин (Борис Викторович Савинков). ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО. Роман. Москва. "Художественная литература", 1990.

На севастопольской гауптвахте он ждал петли. В камере на Лубянке ждал пули исполнителя. И виселица, и расстрел причитались в точном соответствии с законом. В молодости -- по законам Российской империи. В зрелости -- по законам Российской республики.

21 августа 1924 года он приступил к письменным показаниям. Почерк был твердым, текст сжатым, как возвратная пружина браунинга.

"Я, Борис Савинков, бывший член Боевой организации ПСР (Партия социалистов-революционеров (эсеров).), друг и товарищ Егора Созонова и Ивана Каляева, участник убийства Плеве, вел. кн. Сергея Александровича, участник многих других террористических актов, человек, всю жизнь работавший только для народа, во имя его, обвиняюсь ныне рабоче-крестьянской властью в том, что шел против русских рабочих и крестьян с оружием в руках".

27 августа 1924 года Военная коллегия Верховного Суда СССР начала слушанием дело Савинкова.

29 августа председатель объявил заседание закрытым. Савинкова Бориса Викторовича, 45-ти лет, приговорили к высшей мере наказания с конфискацией имущества.

Имущества не было. Конфискации подлежала жизнь. К опытам этой жизни, напряженно-нервным, как снаряжение бомб в подпольной мастерской, обращался писатель В.Ропшин.

Ахматова сказала о чеховском "Рассказе неизвестного человека": "Как это фальшиво, искусственно. Ведь Чехов совершенно не знает эсеров". Ропшин эсеров знал, ибо был Савинковым.

В его прозе много заемного? Пусть так. Зато фальши-то нет. Он изобразил Коня бледного. Конь вышел блеклым, но не прятным. От него шибало потом и сукровицей погони.

Из глубины сибирских руд отозвался читатель, каторжанин-террорист: искренностью и силой взволнован до глубины души; все писано слезами и кровью сердца; нет ни одного не выстраданного слова.

Имя этого читателя Савинков назвал в первых строках своих августовских показаний 1924 года.

За двадцать лет до того они с Егором Созоновым готовили покушение на министра внутренних дел, статс-секретаря и сенатора Плеве.

Идеалом Плеве была вечная мерзлота политического грунта. Ему говорили, что со дня на день возможна студенческая демонстрация, он отвечал: "Высеку". Ему говорили, что в демонстрации примут участие курсистки, он отвечал: "С них и начну". Надо бы уточнить. Начинал Вячеслав Константинович -- и продолжал -- не розгами, а кандалами и эшафотами. Символ всего сущего он видел в параграфах инструкций. Он был столь же фанатичным бюрократом, как и свирепым шовинистом. Именно Плеве разгромил украинских мужиков-повстанцев. Именно Плеве подверг военной экзекуции грузинских крестьян.

Именно Плеве наускивал погромщиков на еврейскую гольтбу. Именно Плеве гнул долу финляндцев. И желая воздать должное коренным подданным, утопил русских матросов в пучинах Цусимы, русских солдат загубил на сопках Маньчжурии: именно Плеве подвизался в дворцовом кругу рьяных застрельщиков Русско-японской войны.

-- Я сторонник крепкой власти, во что бы то ни стало, -- бесстрастно диктовал он корреспонденту "Матэн". -- Меня ославят врагом народа, но пусть будет, что будет. Охрана моя совершенна. Только по случайности может быть произведено удачное покушение на меня.

Интервью французскому журналисту дал Плеве весной 1902 года, усаживаясь в министерское кресло. Озаботившись личной безопасностью, он, что называется, брал меры: уже возникла эсеровская